

ARGUMENTI

Časopis za društvena/politička pitanja, Godina XVII, Broj 49, Avgust 2023. **BESPLATNO**

U ovom broju:

Branimir Kuljanin

ZAPAD - ZMIJSKO LEGLO NACIZMA (9)

K.A. Fursov

**POSljedICE RASPADA SSSR-a KROZ
PRIZMU GEOPOLITIČKIH TEORIJA** (105)

К.А. Фурсов

**ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ** (117)

Vladimir Pavlenko

**Čovječanstvo između globalizma
i multipolarnosti** (129)

Владимир Павленко

**Человечество между глобализмом и
многополярностью** (143)

Jelena G. Ponomarjova

**Zapadni Balkan: trendovi uticaja
zainteresovanih vanjskih igrača** (159)

Jelena S. Arljapova

Елена Г. Пономарева

**Западные Балканы: тренды влияния внешних
интересантов** (185)

Елена С. Арляпова

IA REGNUM

**Odluka o promjeni statusa Aja Sofije
predstavlja kraj sekularne Turske** (213)

ИА РЕГНУМ

**Решение сменить статус Айя-Софии
является концом светской Турции** (219)

Milorad Dodik

“Oluja” zločinački poduhvat SAD-a prema Srbima (227)

Aleksandr Vučić

Uvek ćete imati podršku svoje Srbije (231)

Patrijarh Porfirije

Budimo ljudi (239)

ARGUMENTI

časopis za društvena / politička pitanja
izlazi svaka četiri mjeseca

Izdavač

Savez nezavisnih socijaldemokrata,
Banja Luka
Kralja Petra II Karađorđevića 15.

Glavni urednik

Milan Ljepojević

Redakcija

Franc Sošnja, Krsto Grujić, dr Saša Mićin, Tadej Labernik,
pof. dr Branimir Kuljanin, Slavko Mitrović, mr Vanja Malidžan

Kompjuterska priprema, dizajn i štampa

Grafid d. o. o.
Banja Luka

Tiraž

400

ARGUMENTI

časopis za
društvena / politička pitanja

Banja Luka
Avgust 2023

Riječ urednika

Vreli avgustovski dani nisu spriječili redakciju Argumenata da izdaju novi broj ovoga naučnog časopisa.

Pred nama je 49. broj u sedamnaestoj godini izlaženja. Kada se sagledaju ove brojke pomalo djeluje nevjerovatno da je toliko brojeva i toliko izlaženja u kontinuitetu. Trajanje i kontinuitet su i naveće vrijednosti sa kojim se ovaj časopis ponosi.

Primjenjena nauka, teme iz Republike Srpske, BiH, regiona, Evrope i ostalog dijela svijeta kao i mladi autori ostaju i dalje osnovne vrijednosne odrednice i principi kojih se od prvoga broja do danas drže Argumenti.

Kvalitet naučnih radova je osnovni princip koji važi za sve autore iz cijelog svijeta. Radove objavljujemo na srpskom, jeziku ali i na jezicima autora zavisno iz koga govornog područja dolaze. Za sada su prisutni autori iz ruske Federacije, ali poziv je upućen i svim ostalim.

Argumenti u narednom decembarskom broju obilježavaju mali jubilej - PEDESETI broj koji ćemo na adekvatan način i obilježiti.

O ovom broju bi bilo suvišno i nepotrebno bilo šta više govoriti. On je tu pred nama i autori i njihovi naučni radovi sami za sebe najbolje govore. Zato vam svima preporučujem novi 49. broja Argumenata.

Milan Ljepojević

Sadržaj

RIJEČ UREDNIKA	5
BRANIMIR KULJANIN ZAPAD - ZMIJSKO LEGLO NACIZMA.....	9
K.A. FURSOV POSLEDICE RASPADA SSSR-A KROZ PRIZMU GEOPOLITIČKIH TEORIJA.....	105
К.А. ФУРСОВ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ	117
VLADIMIR PAVLENKO ČOVJEČANSTVO IZMEĐU GLOBALIZMA I MULTIPOLARNOSTI.....	129
ВЛАДИМИР ПАВЛЕНКО ЧЕЛОВЕЧЕСТВО МЕЖДУ ГЛОБАЛИЗМОМ И МНОГОПОЛЯРНОСТЬЮ	143
JELENA GEORGIJEVNA PONOMARJOVA JELENA SERGEJEVNA ARLJAPOVA ZAPADNI BALKAN: TRENDovi UTICAJA ZAINTERESOVANIH VANJSKIH IGRAČA	159
ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА ПОНОМАРЕВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА АРЛЯПОВА ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ: ТРЕНДЫ ВЛИЯНИЯ ВНЕШНИХ ИНТЕРЕСАНТОВ.....	185
IA REGNUM ODLUKA O PROMJENI STATUSA AJA SOFIJE PREDSTAVLJA KRAJ SEKULARNE TURSKE.....	213
ИА РЕГНУМ РЕШЕНИЕ СМЕНИТЬ СТАТУС АЙЯ-СОФИИ ЯВЛЯЕТСЯ КОНЦОМ СВЕТСКОЙ ТУРЦИИ	219
MILORAD DODIK "OLUJA" ZLOČINAČKI PODUHVAT SAD-A PREMA SRBIMA	227

<i>ALEKSANDAR VUČIĆ</i>	
UVEK ĆETE IMATI PODRŠKU SVOJE SRBIJE	231
 <i>PATRIJARH PORFIRIJE</i>	
BUDIMO LJUDI	239

K.A. Fursov¹

POSLEDICE RASPADA SSSR-a KROZ PRIZMU GEOPOLITIČKIH TEORIJA

Posljedice kolapsa Sovjetskog Saveza ukratko su analizirani u svjetlu osnovnih pravaca geopolitike (atlantizma i kontinentalizma) i teorija njihovih najznačajnijih predstavnika na Zapadu, u Rusiji i Iranu (H. Makindera, K. Šmita, A.J. Vandama, V.L. Cimburskog, M.R. Hafeznija i drugih). Izdvojeni su etape pritiska atlantizma na Evroaziju 1990-ih – početkom 2020-ih. Istaknuta je uloga međunarodnih transportnih projekata kao garancije uspješnog suprotstavljanja ovom pritisku.

Ključne riječi: raspad SSSR-a, geopolitika, telurokratija, talasokratija, atlantizam, „veliko prostranstvo“, evroazijske integracije.

K.A. Fursov

The Consequences of the Collapse of the USSR in the Light of Geopolitical Theories

The consequences of the disintegration of the Soviet Union are briefly seen in the light of the main geopolitical schools (Atlanticism and

¹ Fursov Kiril Andrejevič, doktor istorijskih nauka, viši naučni saradnik Instituta za azijske i afričke zemlje Moskovskog državnog univerziteta „M.V. Lomonosov“ (Moskva, Rusija). E-pošta: kfursov@iaas.msu.ru.

Continentalism) and the theories of their most prominent representatives in the West, Russia and Iran (H. Mackinder, C. Schmitt, A.Ye. Vandam,

Razmatranje situacije u Evroaziji i svijetu kao posljedice raspada SSSR-a kroz prizmu glavnih teorija geopolitike pomaže identifikovati logiku djelovanja najvećih igrača na svjetskoj sceni .

V.L. Tsymbursky, M.R. Hafezniya, etc.). The article retraces the stages of Atlanticist pressure on Eurasia in the 1990s – early 2020s. Stress is laid on the role of international transport projects as an essential condition of successful resistance to this pressure.

Keywords: *the collapse of the USSR, geopolitics, tellurocracy, thalassocracy, Atlanticism, “large space”, Eurasian integration.*

Razmatranje situacije u Evroaziji i svijetu kao posljedice raspada SSSR-a kroz prizmu glavnih teorija geopolitike pomaže identifikovati logiku djelovanja najvećih igrača na svjetskoj sceni i predvidjeti njihove sljedeće korake, te stoga dati preporuke za postupanje Rusije.

U svjetlu koncepta britanskog geografa Halforda Makindera (1861–1947) i njegovog američkog sljedbenika Nikolasa Spikmena (1893–1943), raspad Sovjetskog Saveza bio je raspad Hartlanda, „zemlje jezgra“ Evroazije. Ranije politički i geografski koncepti Hartlanda su bili bliski jedan drugom (iako je osim Ruske imperije/SSSR-a obuhvatao i Mongoliju i centralnoazijski dio Kine), međutim, ta dva koncepta sada se ne poklapaju toliko izraženo; politički Hartland – to je Ruska Federacija, a geografski Hartland obuhvata, osim nje, Mongoliju i unutrašnju Kinu, njene komšije. Do takvog jaza je došlo prvi put u nekoliko vijekova. Naravno, to se dogodilo i poslije 1917. godine, ali tada je limitrofe (države na periferiji ogromne zemlje) ponovo brzo okupila Rusija – već sovjetska. Sadašnje stanje fragmentacije traje više od 30 godina.

Pošto je SSSR prostorno bio najveća telurokratija (kopnena sila), ta fragmentacija znači ako ne kolaps, onda ozbiljno ograničenje telurokratskog nomosa, odnosno principa uređenja prostora, kako je govorio njemački geopolitičar Karl Šmit (1888–1985). Naravno, u eri avijacije i raketa, dihotomija kopnenih i morskih sila donekle je izgubila na značaju, ali nije nestala. A budući da je borba tih država igra sa nultom sumom, fragmentacija Hartlanda znači novi uspon talasokratija (pomorskih država), novi izla-

Raspad Sovjetskog Saveza bio je raspad Hartlanda.

zak u prvi plan „morske moći“ (izraz američkog kontraadmirala Alfreda Mahana, 1840–1914), ili, ako se vratimo na šemu H. Makindera, zonu Spoljnog polumjeseca. Inače, geopolitika kao grana znanja nastala je sto godina prije toga kao alarmanтна reakcija Anglosaksonaca na neviđeni uspon Rusije – njima umnogome tuđe politije, koja je uspješno organizovala veliki dio najvećeg kontinenta Zemlje.

Decenije nakon smrti evroazijskog giganta sasvim jasno pokazuju novi uspon talasokratija.

Decenije nakon smrti evroazijskog giganta sasvim jasno pokazuju novi uspon talasokratija. Kako bi učvrstio svoj uspjeh, atlantizam je nastavio da sprovodi Kisindžerovu strategiju povezivanja (linkage), koja je usmjerena na neopozivno uključivanje Rimlanda, „Rubne zemlje“ Evroazije (drugi termin H. Makindera), u atlantističku sferu uticaja. Raspad SSSR-a možemo smatrati datumom početka druge etape pritiska atlantizma na Evroaziju, koji je bio drskiji zbog nestanka geopolitičke protivteže. Jedan broj segmenata Rimlanda su, prema atlantizmu, fragmentacioni pojasevi (to je moj prevod pojma *shatterbelt*). Tako je američki antropogeograf Sol Koen (1925–2021) nazvao regione sa neizvjesnom geopolitičkom orijentacijom, koji su iznutra nestabilni, pa čak i djeluju kao objekti rivalstva velikih sila². Pisao je prije svega o Bliskom istoku i jugoistočnoj Aziji, međutim, raspad SSSR-a pogoršao je kvalitet „fragmentacije“ u najmanje još jednom regionu – Istočnoj Evropi. Glavni geopolitički alat za njeno uvlačenje u mrežu atlantizma bilo je postepeno širenje NATO-a na istok, koje traje do danas. Jugoslavija, koja je pokušavala da odbrani svoj suverenitet, jednostavno je bila bombardovana 1999. godine: srbofobija i rusofobija su dvije strane iste medalje. U okolnim zemljama pored Rusije atlantizam je u to vrijeme doprineo nastanku regionalne organizacije antiruske orijentacije – GUAM.

Raspad sovjetske supersile je olakšao atlantizmu pokušaj kontrole nad različitim segmentima Rimlanda. (Pokušao je to učiniti i u Hladnom ratu, ali je tada „natezanje konopca“ išlo sa različitim uspjehom.) Na Bliskom istoku ovi pokušaji su počeli još prije raspada SSSR-a – prvi rat u Persijskom zalivu (1991. godine), kada je umirući Savez bio integrisan u po-

Jugoslavija, koja je pokušavala da odbrani svoj suverenitet, jednostavno je bila bombardovana 1999. godine.

2 Cohen S.B. *Geopolitics of the World System*. Lanham etc.: Rowman & Littlefield, 2003. P. 43.

litiku SAD-a u regionu. U Južnoj Aziji raspad Sovjetskog Saveza pripremio je teren za približavanje SAD-a i Indije, a u sjeveroi-

Raspad sovjetske supersile je olakšao atlantizmu pokušaj kontrole nad različitim segmentima Rimlanda.

stočnoj Aziji produbio je izolaciju Sjeverne Koreje. Sve ovo je bilo praćeno povlačenjem Rusije iz Svjetskog okeana, gde je SSSR, zahvaljujući teoretičaru i praktičaru geopolitike, admiralu Sergeju Georgijeviču Gorškovu (1910–88), uspješno igrao na terenu talasokratija.

Treća etapa atlantističkog pritiska na Evroaziju počela je dolaskom 21. vijeka. Povod je bio rušenje njujorških kula bliznakinja 2001. godine – isti spektakl kao eksplozija bojnog broda „Maine“ u zalivu Havana 1898. godine, Perl Harbor 1941. godine ili incident u Tonkinškom zalivu 1964. godine. Ovoga puta atlantizam je pokušao da „zagriže“ čak ne u Rimlend, već dublje – u Hartland. Riječ je o invaziji na Avganistan i dobijanju na nekoliko godina vazdušnih baza u centralnoj Aziji (SAD-a u Hanabadu i Manasu, Francuski u Dušanbeu, Njemački u Termezu). To je takođe i organizacija „narandžaste revolucije“ 2004. godine i Evromajdana 2014. godine u Ukrajini. Osvajanje teritorije ove velike zemlje od strane atlantizma, praćeno genocidom nad narodom Donbasa i pripremanjem agresije na Rusiju, trenutno je najupečatljiviji u 21. vijeku slučaj invazije na Evroaziju od strane stranog i neprijateljskog „nomosa mora“.

Sadašnju fazu obilježio je početak indirektnog rata Rusije sa NATO-om u februaru 2022. godine. Pošto je prema trećem zakonu I. Njutna, sila dejstva jednaka sili reakcije, specijalna vojna operacija Rusije u Ukrajini u geopolitičkom smislu predstavlja predvidivu reakciju na neviđeni prodor Spoljnog polumjeseca u Hartland – prodor u otvoreno destruktivne svrhe.

Neki transportni i ekonomski projekti Zapada takođe rade na destabilizaciji Evroazije. To je i TRACECA (Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia), koji je osmišljen kako bi odvojio Južni Kavkaz i Središnju Aziju od Rusije. To je i „Novi put svile“, čiju je ideju iznio američki geopolitičar Frederik Star (rođen 1940. godine), a izrekla je američki državni sekretar (2009–13)

Treća etapa atlantističkog pritiska na Evroaziju počela je dolaskom 21. vijeka.

Hilari Klinton; njegov cilj je integracija zemalja Centralne Azije sa Jugom na štetu interesa Rusije, Kine, Irana. Oba ova projekta možemo tumačiti kao atlantističke geopolitičke zrake (vektori

uticaja geopolitičkog pola na periferiju), koji udaraju iz okeana u hinterland (unutrašnje regione kontinenta). Međutim, ispitivanje snage atlantizma u Hartlandu počelo je već devedesetih godina u Čečeniji.

Istovremeno, atlantizam nastavlja da „odgriza“, gdje je to moguće, segmente Rimlanda.

Istovremeno, atlantizam nastavlja da „odgriza“, gdje je to moguće, segmente Rimlanda. (Tehnika koju su razvili Anglosaksonci; na indijskom potkontinentu tako je djelovala Britanska istočnoindijska kompanija u 18–19. vijeku³.) To su invazija na Irak i „revolucija ruža“ u Gruziji 2003. godine, svrgavanje Moamera Gadafija u Libiji 2011. godine. „Odgrizavanje“ ne podrazumeva uvijek preuzimanje direktne kontrole; na nekim mjestima to je politička fragmentacija da bi se stvorio kontrolisani haos. Doduše, u Južnoj Osetiji 2008. godine i Siriji poslije 2011. godine takvi planovi su propali. Međutim, čini se da su pitanje Iraka kao nezavisne regionalne sile Sjedinjene Države konačno riješile.

Štaviše, brza ekspanzija ISIS-a, koja se kao kancerogeni tumor proširila Irakom i Sirijom, bila je korisna za Amerikance kao uspon kvazi-državnog terorističkog entiteta neprijateljski raspoloženog prema Rusiji (što utiče i na bezbjednost kopnenih komunikacija između Kine i Evrope). Uoči Prvog svjetskog rata, ruski geopolitičar potpukovnik Aleksej Efimovič Vandam (Jedrihin) (1867–1933) dalekovidno je upozoravao na opasnost od pojave takve formacije na strateški ključnoj teritoriji južno od Kavkaza: „Protežući se između Kaspijskog, Crnog, Sredozemnog, Crvenog mora i Persijskog zaliva, ova država bi čvrsto zatvorila izlaz kojim bi Rusija još uvijek mogla lako doći do Indijskog okeana. Takva država još ne postoji, međutim, nema razloga da se ona ne pojavi u budućnosti“⁴. Inače, kada je medijski holding ISIS-a „Al-Hajat“ prevodio tekstove i video na devet jezika, ruski je često bio na drugom mjestu poslije engleskog.

Brza ekspanzija ISIS-a, koja se kao kancerogeni tumor proširila Irakom i Sirijom, bila je korisna za Amerikance.

Iako su Sjedinjene Države stvorile međunarodnu koaliciju protiv ISIS-a, borile su se veoma tromo. Uspon ovog „kalifata“ nije bio u suprotno-

3 Vidi, na primjer: Fursov K.A. Država-trgovac: odnosi Engleske istočnoindijske kompanije sa engleskom državom i indijskom baštinom. Moskva: Udruženje naučnih publikacija KMK, 2006. S. 103–145, 184–266.

4 Vandam (Jedrihin) A.J. Naš položaj // Vandam (Jedrihin) A.J. Geopolitika i geostrategija / Sast., uvod i koment. I. Obradcova; zaključak I. Danilenko. Žukovskij; Moskva: Kučkovo pole, 2002. S. 91.

sti sa opštom strategijom atlantizma da uguši Evroaziju. Vidimo na djelu „strategiju anakonde“, koja je nastala tokom američkog gra-

lako su Sjedinjene Države stvorile međunarodnu koaliciju protiv ISIS-a, borile su se veoma tromo.

đanskog rata 1861–65., a koju je u svojim djelima izveo na svjetski nivo na prelazu iz 19. u 20. vijek A. Mahan. Alat za ovakav pritisak – islamske radikale – Amerikanci koriste već duže vrijeme, od njihovog indirektnog rata protiv SSSR-a u Avganistanu 1979–89.

Pokušaj SAD-a da istisne Rusiju iz Sirije postao je kontraproduktivan, jer bi potpuno povlačenje sa Sredozemnog mora prijetilo Rusiji gubitkom njenog posljednjeg saveznika na Bliskom istoku i otkrivanjem južnih granica. Nije slučajno da Sredozemno more igra ključnu ulogu u konceptu belgijskog geopolitičara Žana Tiri-jara (1922–92). On je naglasio da je blokada ovog mora sa obje strane (Gibraltarskog moreuza i Sueckog kanala) najvažniji zadatak za svaku kontinentalnu silu koja želi da oslobodi Afro-Evroaziju (Svjetsko ostrvo u terminologiji H. Makindera) od američkog diktata. Zaista, Mediteran je veoma ranjiv segment Rimlanda, zbog čega se za njega vodi tako žestoka borba.

Međutim, još na početku 21. vijeka postalo je jasno da je šema H. Makindera – H. Spikmana zahtijeva značajne izmjene zbog uspona Kine i njene sveobuhvatne globalne trgovinske, investicione, vojne i infrastrukturne ekspanzije. Na značaj kineskog faktora ukazao je, na primjer, američki geopolitički atlantista Zbignjev Bžežinski (1928–2017) u svojoj najnovijoj knjizi „Strateški pogled“ (2012). Ovdje je Kina kao prijetnja Sjedinjenim Državama zasjenila čak i Rusiju, koju je u svom najpoznatijem djelu „Velika šahovska tabla“ (1997) 3. Bžežinski zapravo predložio da se podijeli na tri dijela – skrivajući se iza cilja „da se oslobodi stvaralački potencijal ruskog naroda i ogromna prirodna bogatstva zemlje“⁵.

Kineski faktor, više nego bilo koji drugi, ruši planove tala-sokratija da kontrolišu čitav Rimland. Zbog toga prisustvo ovog faktora sada isključuje opkoljavanje Rusije od strane Anglosaksonaca duž perimetra granica. (To, naravno, ne znači da se geopolitički interesi NR Kine i Ruske Federacije potpuno poklapaju.) Štaviše, mnoge radnje u Rimlandu koje anglosaksonci preduzimaju uperene su ne toliko protiv Rusije koliko protiv Kine, protiv

Pokušaj SAD-a da istisne Rusiju iz Sirije postao je kontraproduktivan

⁵ Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. P. 202.

njene strategije, koju su Amerikanci poetski u njenom stilu nazvali „niskom bisera“ (stvaranje lanca vojnih i trgovačkih baza duž obala Južnog kineskog mora i Indijskog okeana, uključujući Crveno more). Među takvim radnjama su raspirivanje separatizma Beludža u Pakistanu i sukob oko muslimana Rohinja u Mjanmaru.

Kineski faktor, više nego bilo koji drugi, ruši planove talasokratija da kontrolišu čitav Rimland.

Uprkos raspadu SSSR-a, talasokratije nisu uspjele da dovedu do „kraja istorije“. H. Makinder se pokazao pronicljivijim od N. Spikmana. Američki geopolitičar je vjerovao da pomorske sile kontrolom nad Rimlandom mogu da pobijede kopnene sile za sva vremena, dok je njegov britanski kolega bio uravnoteženiji, smatrajući je da je dualizam mora i kopna kao motor svjetske istorije vječan. Ako se posljedice raspada SSSR-a posmatraju ne samo kao tekući centrifugalni procesi na postsovjetskom prostoru (kao što je jermensko-azerbejdžanski rat 2020. godine ili programi pridruživanja bivših evropskih republika SSSR-a Evropskoj uniji), već i kao centripetalni procesi evroazijskih integracija kroz stvaranje EAEU-e i ODKB-a, onda se ovo drugo prikladno tumači kao pokušaji izgradnje „velikog prostranstva“ u duhu teorija K. Šmita (autora ovog pojma – Großraum) i drugog, ništa manje poznatog, njemačkog geopolitičara Karla Haushofera (1869–1946). Nije slučajno da je porijeklo pomenutog pojma ukorijenjeno „ne u državnoj, već u tehničkoj, ekonomskoj i organizacionoj sferi“⁶. Spomenuti autori su insistirali da je za kopnene sile stvaranje „velikog prostranstva“ jedini način da se odupre pomorskim. Na izgradnju šireg „velikog prostranstva“ na nivou cijelog evroazijskog kontinenta usmjeren je transportno-ekonomski mega-projekat Kine „Jedan pojas, jedan put“. Pošto njegov kopneni dio – „Ekonomski pojas puta svile“ – prolazi kroz Centralnu Aziju, bez raspada SSSR-a njegova implementacija bi bila nemoguća. Da li je on od koristi za Rusiju, teško je nedvosmisleno odgovoriti (iako projekat predviđa određeno učešće Transsibirske željeznice). Međutim, pošto Kina već prodire u ovaj region (htjela to Rusija ili ne), u ovom slučaju raspad SSSR-a može objektivno da doprinese zbližavanju Rusije i Kine kroz dijalog u Centralnoj Aziji. A zbližavanje dvije zemlje kon-

Uprkos raspadu SSSR-a, talasokratije nisu uspjele da dovedu do „kraja istorije“.

6 Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht // Schmitt C. Staat, Großraum, Nomos. Arbeiten aus den Jahren 1916–1969. Berlin: Duncker & Humblot, 1995. S. 270.

tinentalne veličine garantuje obuzdavanje najezde atlantizma na Evroaziju. Ovo zbližavanje omogućava Ruskoj Federaciji da oduz-

Ako se posmatra evroazijska integracija u širem kontekstu, Rusija ima čitav niz geopolitičkih alata koji joj omogućavaju da doprinese ovom procesu.

me mogućnost Sjedinjenim Državama da zavade dvije sile, a NR Kini – poziciju „trećeg radosnog“, koja je u kombinaciji tri sile navikla da bude pasivna sila uz dvije aktivne i da ima korist od toga (kao 1970-ih).

Ako se posmatra evroazijska integracija u širem kontekstu, Rusija ima čitav niz geopolitičkih alata koji joj omogućavaju da doprinese ovom procesu. Neki od njih predstavljaju sovjetsko nasleđe, na primjer, Transsibirska željeznica i Sjeverni morski put. Neki su novi instrumenti, poput gasovoda „Plavi tok“ i „Turski tok“. Takvi projekti mogu doprinijeti povezivanju različitih zemalja u zajedničko evroazijsko „veliko prostranstvo“. Atlantistički Zapad je dobro svjestan potencijala gasovoda kao sredstva za Rusiju da minimizira posljedice raspada Saveza. Otuda i eksplozije na oba gasovoda „Sjeverni tok“ 2022. godine. Za postizanje istog cilja – uništavanja ekonomskih veza Rusije sa Srednjom Evropom kao garancije geopolitičkog zbližavanja – služi povlačenje iste godine „Austrijskih željeznica“ iz projekta izgradnje pruge Košice – Bratislava – Beč, odnosno ruskog železničkog koloseka 1520 mm u Evropu. U evropskom dijelu luka, koji je ruski geopolitičar Vadim Leonidovič Cimburski (1957–2009) nazvao Veliki Limitrof, punom parom se podiže novi „sanitetski kordon“ između Rusije i Evrope u interesu Anglosaksonaca i pridruženog segmenta evropske elite.

Djelimično geopolitičkom posljedicom raspada SSSR-a možemo smatrati jačanje regionalnih centara moći u Evroaziji. Na primjer, Turska je ojačala, između ostalog, zbog uticaja u etnički bliskom Azerbejdžanu, a Iran – zbog uticaja u Centralnoj Aziji. Ovo poslednje olakšalo je spajanje željezničkih sistema Irana i Centralne Azije u Sarahsu 1996. godine (naziv dva naselja sa obje

Djelimično geopolitičkom posljedicom raspada SSSR-a možemo smatrati jačanje regionalnih centara moći u Evroaziji.

strane iransko-turkmentske granice). Prodiranje Irana u ovaj region je takođe kontradiktorno pitanje za Rusiju. S jedne strane, prodor je posljedica njenog uticaja; s druge strane, objektivno, kao i u slučaju Kine, to je preduslov za saradnju

Irana i Rusije u stvaranju „velikog prostranstva“ i isključivanju atlantističkog uticaja iz zone „evroazijskog Balkana“, kako je Z.

Bžežinski nazvao bivše azijske republike SSSR-a i Avganistan. Primjer je izgradnja poluprstenaste pruge istočno od Kaspijskog mora (završena 2014. godine) i, uopšte, međunarodnog transportnog koridora Sjever-Jug od Helsinkija do Mumbaja. O ulozi ovog koridora kao geopolitičkog učvršćivača Evroazije govori

Prodiranje Irana u ovaj region je takođe kontradiktorno pitanje za Rusiju.

činjenica da se on formira paralelno i, takoreći, u suprotnosti sa zapadnim rascepom od Skandinavije do Afričkog roga. Ovo je jedan od dva geostrateška rascepa koja je identifikovao savremeni iranski geopolitičar Mohamed Reza Hafeznija (rođ. 1955). Za ovaj rascep je karakteristična konfrontacija Rusije i NATO-a, kao i vrtlog regionalnih sukoba na Bliskom istoku.

Zahvaljujući neviđenom razvoju transportnih komunikacija, Hartland i Rimland u 21. vijeku po prvi put u istoriji mogu da se ujedine protiv Spoljnog polumjeseca i probiju „prsten anakonde“, koji je usmjeren protiv Hartlanda i u kojem su Atlantisti Rimlandu dodijelili ulogu pijuna u tuđoj igri. (O tome svedoči huškanje Evrope na Rusiju u ekonomskom smislu i Ukrajine, uz podršku Evrope, u vojnom smislu). Međutim, brzi razvoj infrastrukture u eri globalizacije omogućava telurokratijama Evroazije, u stvari, da globalizaciju okrenu protiv onoga ko ju je pokrenuo u sopstvenim interesima – SAD-a. „I okusili su štetu svojih djela, a posljedice njihovih djela pokazale su se gubitkom“ (Kuran, 65:9). To je sasvim u duhu koncepta posibilizma osnivača francuske geografsko-geopolitičke škole Pola Vidala de la Blaša (1845–1918). On je smatrao da je položaj u prostoru – to je samo mogućnost, a njena realizacija zavisi od čovjeka.

Ideju o „infrastrukturnim koridorima“, posebno za Evroaziju, iznio je krajem 20. vijeka američki ekonomista Lindon Laruš (1922–2019). On je polazio od toga da se ekonomski interesi Sjedinjenih Država i zemalja Evroazije međusobno dopunjuju i da bi Amerikancima bilo od koristi da učestvuju u razvoju transportne infrastrukture najvećeg kontinenta. Međutim, u vladajućim krugovima SAD-a preovladava suprotna tačka gledišta prema kojoj ovakav razvoj događaja prijeti smanjenjem njihovog uticaja u Starom svijetu. Zato mreža infrastrukturnih koridora može da postane antiamerički alat i da oživi ideju panevroazijske unije, o kojoj su sanjali mnogi geopolitičari kontinentalne

Ideju o „infrastrukturnim koridorima“, posebno za Evroaziju, iznio je krajem 20. vijeka američki ekonomista Lindon Laruš.

škole: K. Haushofer sa svojim blokom Njemačka – SSSR – Japan, Ž. Tiriar sa svojim evro-sovjetskim carstvom od Dablina do Vladi-

U okviru koncepta A.G. Dugina postepeno jačanje veza Rusije sa Iranom i Kinom može se tumačiti kao koraci ka stvaranju „sekundarnih imperija“ prijateljskih Rusiji na Bliskom istoku i u istočnoj Aziji.

vostoka, ruski filozof Aleksandar Gelijevič Dugin (rođ. 1962) sa svojim konceptom neoetroazijstva i drugi. U okviru koncepta A.G. Dugina postepeno jačanje veza Rusije sa Iranom i Kinom može se tumačiti kao koraci ka stvaranju „sekundarnih imperija“ prijateljskih Rusiji na Bliskom istoku i

u istočnoj Aziji. Otuda pokušaji atlantizma da zavadi Rusiju sa Turskom i Egiptom 2015. godine (zbog pada aviona – vojnih i civilnih, i sa intervalom manjim od mjesec dana), kao i sa Kinom 2018. godine – izjavom američkog savjetnika za nacionalnu bezbjednost (2018–19) Džona Boltona o kineskim projektilima koji navodno gledaju u srce Rusije.

Istovremeno, aktivno učešće Rusije u međunarodnim projektima ne bi trebalo da zasjeni zadatak podizanja privrede unutrašnjosti zemlje, o čemu je pisao V. L. Cimburski. Raspad SSSR-a sve očiglednije stavlja ovaj zadatak na dnevni red Rusije. Projekti željeznica Sevsib i Belkomur, projekti automobilskog mosta preko Lene i proširenje BAM-a nisu slučajni. Koncept V.L. Cimburskog „Ostrvo Rusija“ je tačan jer naglašava važnost oslanjanja na sopstvene snage. Između ostalog, razvoj Istočnog Sibira i Dalekog istoka garantuje njihovo očuvanje u sastavu Rusije: Zapad je bacio oko na ove teritorije još 1940-ih, kada je H. Makinder izdvojio specijalnu zonu Lenaland, „odvojio“ je od Hartlanda i „pripojio“ je Rimlendu.

Istovremeno, koncept V.L. Cimburskog miriše na izolacionizam, što Rusija ne može sebi da priušti. Jer, kako je naglasio poznati ruski orijentalista Vladimir Nikolajevič Kolotov (rođ. 1969), do sada jedini radni projekat istinski evroazijskih razmjera jeste osam lukova evroazijske nestabilnosti⁷. I nisu izolovani, već čine sistem. Podsetimo se riječi A.E. Vandama o Anglosaksoncima, koji

Istovremeno, aktivno učešće Rusije u međunarodnim projektima ne bi trebalo da zasjeni zadatak podizanja privrede unutrašnjosti zemlje

pokreću narode „tako da njihov protivnik, koji u svakom pijunu pred sobom vidi samostalnog neprijatelja, na kraju ostane u nedoumici, kako je i kada napravio kobni potez koji je doveo do gubit-

7 Kolotov V.N. Evroazijski luk nestabilnosti: preliminarni rezultati 2016. god. // Evroazijski luk nestabilnosti i problemi regionalne bezbjednosti od istočne Azije do sjeverne Afrike: rezultati 2016. god. / Gl. urednik V.N. Kolotov. Sankt Peterburg: Izdavačka kuća „IPK NP-Print“, 2017. S. 37.

ka partije?»⁸ Neki od evroazijskih lukova nestabilnosti počeli su da se formiraju još u vrijeme Hladnog rata, ali su nastanak drugih i, što je najvažnije, formiranje svih njih u određeni sistem, postali mogući upravo raspadom SSSR-a.

Raspad Sovjetskog Saveza nesumnjivo predstavlja najveću geopolitičku katastrofu 20. vijeka.

Raspad Sovjetskog Saveza nesumnjivo predstavlja najveću geopolitičku katastrofu 20. vijeka. To je dramatično promijenilo odnos snaga u svijetu, što je u mnogim zemljama dovelo do društvenih tenzija, a na nekim mjestima i do ratova, međudržavnih i građanskih. Međutim, u cjelini gledano, politički ujedinjeni Hartland ostaje u okvirima Rusije, i ako ispravno slijediti teoretičare kontinentalne škole geopolitike, ona ima šansu da se osveti za poraz 1991. godine.

Literatura

- Vandam (Jedrihin) A.J. Naš položaj // Vandam (Jedrihin) A.J. Geopolitika i geostrategija / Sast., uvod i koment. I. Obrazcova; zaključak I. Danilenko. Žukovskij; Moskva: Kučkovo pole, 2002. S. 27–154.
- Kolotov V.N. Evroazijski luk nestabilnosti: preliminarni rezultati 2016. god. // Evroazijski luk nestabilnosti i problemi regionalne bezbjednosti od istočne Azije do sjeverne Afrike: rezultati 2016. god. / Gl. urednik V.N. Kolotov. Sankt Peterburg: Izdavačka kuća „IPK NP-Print“, 2017, S. 5–50.
- Fursov K.A. Država-trgovac: odnosi Engleske istočnoindijske kompanije sa engleskom državom i indijskom baštinom. Moskva: Udruženje naučnih publikacija KMK, 2006. 364 s.
- Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. XIV, 215 p.
- Cohen S.B. Geopolitics of the World System. Lanham etc.: Rowman & Littlefield, 2003. XI, 435 p.
- Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht // Schmitt C. Staat, Großraum, Nomos. Arbeiten aus den Jahren 1916–1969. Berlin: Duncker & Humblot, 1995. S. 269–371.

To je dramatično promijenilo odnos snaga u svijetu, što je u mnogim zemljama dovelo do društvenih tenzija.

⁸ Vandam (Jedrihin) A.E. Spomenuto djelo. S. 43–44.

К.А. Фурсов¹

ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Последствия разрушения Советского Союза кратко рассмотрены в свете основных направлений геополитики (атлантизма и континентализма) и теорий их важнейших представителей на Западе, в России и Иране (Х. Маккиндера, К. Шмитта, А.Е. Вандама, В.Л. Цымбурского, М.Р. Хафезния и др.). Выделены этапы давления атлантизма на Евразию в 1990-е – начале 2020-х годов. Подчёркнута роль международных транспортных проектов как залога успешного противодействия этому давлению.

Ключевые слова: *распад СССР, геополитика, теллуократия, талассократия, атлантизм, «большое пространство», евразийская интеграция.*

1 Фурсов Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). Электронный адрес: kfursov@iaas.msu.ru.

The Consequences of the Collapse of the USSR in the Light of Geopolitical Theories

The consequences of the disintegration of the Soviet Union are briefly seen in the light of the main geopolitical schools (Atlanticism and Continentalism) and the theories of their most prominent representatives in the West, Russia and Iran (H. Mackinder, C. Schmitt, A.Ye. Vandam, V.L. Tsymbursky, M.R. Hafezniya, etc.). The article retraces the stages of Atlanticist pressure on Eurasia in the 1990s – early 2020s. Stress is laid on the role of international transport projects as an essential condition of successful resistance to this pressure.

Keywords: *the collapse of the USSR, geopolitics, tellurocracy, thalassocracy, Atlanticism, “large space”, Eurasian integration.*

Рассмотрение ситуации в Евразии и мире вследствие распада СССР через призму основных теорий геополитики помогает выявить логику действий крупнейших игроков на мировой арене и предсказать их дальнейшие шаги, а значит, дать рекомендации для поведения России.

В свете концепции британского географа Хэлфорда Маккиндера (1861–1947) и его американского последователя Николаса Спикмэна (1893–1943) распад Советского Союза стал разрывом Хартленда, «Сердцевинной земли» Евразии. Если ранее политическое и географическое понятия Хартленда были близки (хотя кроме Российской империи / СССР охватывал он и Монголию, и центральноазиатскую часть Китая), теперь они не совпадают довольно явно; политический Хартленд – Российская Федерация, а географический включает, кроме неё самой, Монголии и внутреннего Китая, её ближнее зарубежье. Такой разрыв произошёл впервые за несколько столетий. Конечно, имел он место и после 1917 г., но тогда лимитрофы (государства по окраинам обширной державы) были быстро собраны Россией вновь – уже Советской. Сегодняшнее же состояние разорванности длится уже более 30 лет.

Поскольку СССР был крупнейшей по площади теллурократией (сухопутной державой), эта разорванность озна-

чает пусть и не крах, но серьёзное ограничение теллуократического номоса, т.е. принципа организации пространства, если говорить языком немецкого геополитика Карла Шмитта (1888–1985). Безусловно, в эпоху авиации и ракет дихотомия сухопутных и морских держав несколько потеряла остроту, но вовсе не исчезла. А поскольку борьба этих держав – это игра с нулевой суммой, разорванность Хартленда означает новый подъём талассократий (морских держав), новый выход на передний план «морской силы» (термин американского контр-адмирала Алфреда Мэхэна, 1840–1914), или, если вернуться к схеме Х. Маккиндера, зоны Внешнего полумесяца. К слову, геополитика как отрасль знаний и возникла за сто лет до этого как тревожная реакция англосаксов на небывалый подъём России – во многом чуждой им сухопутной политике, которая успешно организовала немалую часть крупнейшего материка Земли.

Десятилетия после смерти евразийского гиганта демонстрируют новый взлёт талассократий вполне ясно. Чтобы закрепить успех, атлантизм продолжал осуществлять кисинджеровскую стратегию соединения (linkage), которая направлена на то, чтобы уже бесповоротно включить в атлантистскую сферу влияния Римленд – «Окаёмочную землю» Евразии (ещё один термин Х. Маккиндера). Распадом СССР уместно датировать начало второго этапа давления атлантизма на Евразию, давления более наглого из-за исчезновения геополитического противовеса. Ряд сегментов Римленда составляют, по атлантизму, осколочные пояса (мой перевод термина *shatterbelt*). Так американский антропогеограф Сол Коэн (1925–2021) назвал регионы с неопределённой геополитической ориентацией, которые внутренне нестабильны, да ещё выступают объектами соперничества великих держав². Писал он прежде всего о Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии, но распад СССР обострил качество «осколочности» как минимум ещё у одного региона – Восточной Европы. Главным геополитическим инструментом по её затягиванию в паутину атлантизма стало поэтапное расширение НАТО на восток, которое продолжается по сей день. Югославию, которая пыталась отстоять свой суверенитет, в 1999 г. просто бом-

2 Cohen S.B. *Geopolitics of the World System*. Lanham etc.: Rowman & Littlefield, 2003. P. 43.

били: сербофобия и русофобия – две стороны одной медали. В ближнем зарубежье России атлантизм к этому же времени содействовал появлению региональной организации анти-российской направленности – ГУАМ.

Распад советской сверхдержавы облегчил атлантизму задачу пытаться поставить под контроль разные сегменты Римленда. (Сделать это он пытался и в Холодную войну, но тогда «перетягивание каната» шло с переменным успехом.) На Ближнем Востоке эти попытки начались даже раньше гибели СССР – первая война в Персидском заливе (1991 г.), когда умирающий Союз встроился в политику США в регионе. В Южной Азии крах СССР подготовил почву для сближения США с Индией, а в Северо-Восточной Азии усилил изоляцию КНДР. Всё это сопровождалось уходом России из Мирового океана, где СССР благодаря теорику и практику геополитики адмиралу Сергею Георгиевичу Горшкову (1910–88) успешно играл на поле талассократий.

Третий этап давления атлантизма на Евразию начался с приходом XXI в. Предлогом послужило обрушение нью-йоркских башен-близнецов в 2001 г. – такой же спектакль, как взрыв американского крейсера «Мэн» в бухте Гаваны в 1898 г., Пёрл-Харбор в 1941 г. или Тонкинский инцидент 1964 г. На этот раз атлантизм пытался «вгрызться» уже даже не в Римленд, а глубже – в Хартленд. Это вторжение в Афганистан и получение на несколько лет военно-воздушных баз в Центральной Азии (США в Ханабаде и Манасе, Франции в Душанбе, Германии в Термезе). Также это организация «оранжевой революции» 2004 г. и «Евромайдана» 2014 г. на Украине. Освоение атлантизмом территории этой крупной страны, которое сопровождалось геноцидом против народа Донбасса и подготовкой агрессии против России, – на данный момент самый яркий в XXI в. случай вторжения в Евразию чужеродного для неё и враждебного ей «номоса моря».

Современный этап ознаменовало начало опосредованной войны России с НАТО в феврале 2022 г. Поскольку, согласно третьему закону И. Ньютона, сила действия равна силе противодействия, специальная военная операция России на Украине в терминах геополитики есть предсказуемая реакция

на беспрецедентное проникновение Внешнего полумесяца в Хартленд – проникновение в открыто деструктивных целях.

В направлении дестабилизации Евразии работают и некоторые транспортно-экономические проекты Запада. Это и TRACECA (Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia), который призван оторвать от России Южный Кавказ и Центральную Азию. Это и «Новый Шёлковый путь», идею которого выдвинул американский геополитик Фредерик Старр (род. 1940), а озвучила госсекретарь США (2009–13) Хиллари Клинтон; его цель – интегрировать страны Центральной Азии с Южной в ущерб интересам России, Китая, Ирана. Оба этих проекта уместно трактовать как атлантистские геополитические лучи (векторы воздействия геополитического полюса на периферию), бьющие с океанов в хинтерланд (внутренние районы континента). Впрочем, проба сил атлантизма в Хартленде началась уже в 1990-е годы в Чечне.

Параллельно атлантизм продолжает «откусывать», где можно, сегменты Римленда. (Приём, англосаксами отработанный; в масштабах Индийского субконтинента так действовала в XVIII–XIX вв. британская Ост-Индская компания³.) Это вторжение в Ирак и «революция роз» в Грузии в 2003 г., свержение Муаммара Каддафи в Ливии в 2011 г. «Откусывание» не всегда предполагает установление прямого контроля; кое-где это политическая фрагментация для создания управляемого хаоса. Правда, в Южной Осетии в 2008 г. и Сирии после 2011 г. такие планы были сорваны. Однако вопрос Ирака как самостоятельной региональной державы США решили, похоже, окончательно.

Более того, стремительная экспансия ИГИЛ, которое как раковая опухоль расплодилось было по Ираку и Сирии, была выгодна американцам как подъём квазигосударственного террористического образования, враждебного России (а также влияющего на безопасность сухопутных коммуникаций Китая с Европой). Об опасности возникновения такого образования на стратегически ключевой территории к югу от Кавказа дальновидно предупреждал ещё накануне Пер-

³ См., например: Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 103–145, 184–266.

вой мировой войны русский геополитик подполковник Алексей Ефимович Вандам (Едрихин) (1867–1933): «Раскинувшись между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, это государство плотно закрыло бы тот выход, которым Россия пока легко могла бы достигнуть Индийского океана. Такое государство не существует ещё, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем»⁴. Кстати, когда медиахолдинг ИГИЛ «Аль-Хайят» переводил тексты и видео на девять языков, русский часто шёл на втором месте после английского.

Хотя США и создали против ИГИЛ международную коалицию, воевала она очень вяло. Подъём этого «халифата» не противоречил общей стратегии атлантизма по удушению Евразии. Мы наблюдаем в действии «стратегию анаконды», которая родилась в ходе Гражданской войны в США 1861–65 гг. и которую на мировой уровень вывел в своих работах рубежа XIX–XX вв. А. Мэхэн. Инструментами этого давления – исламскими радикалами – американцы привыкли пользоваться давно, с их опосредованной войны против СССР в Афганистане 1979–89 гг.

Попытка США выдавить Россию из Сирии стала контрпродуктивной, потому что полный уход из Средиземноморья грозил бы России потерей последнего союзника на Ближнем Востоке и оголением южных рубежей. Неслучайно Средиземное море играет ключевую роль в концепции бельгийского геополитика Жана Тириара (1922–92). Он подчёркивал, что закупорить это море с обеих сторон (Гибралтарского пролива и Суэцкого канала) – первостепенная задача для любой континентальной силы, которая хотела бы избавить Афроевразию (Мировой Остров по терминологии Х. Маккиндера) от американского диктата. В самом деле, Средиземноморье – очень уязвимый сегмент Римленда, поэтому за него идёт столь острая борьба.

Однако ещё к началу XXI в. стало ясно, что схема Х. Маккиндера – Н. Спикмэна требует существенной модификации ввиду подъёма Китая и его комплексной торгово-инвести-

⁴ Вандам (Едрихин) А.Е. Наше положение // Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; заключ. ст. И. Даниленко. Жуковский; Москва: Кучково поле, 2002. С. 91.

ционно-военно-инфраструктурной мировой экспансии. На важность китайского фактора указал, к примеру, американский геополитик-атлантист Збигнев Бжезинский (1928–2017) в своей последней книге «Стратегический взгляд» (2012). Здесь Китай как угроза для США затмил даже Россию, которую в самой известной своей работе «Великая шахматная доска» (1997) Зб. Бжезинский предлагал, по сути, расчленить на трое – прикрываясь целью «высвободить творческий потенциал как российского народа, так и обширных природных ресурсов страны»⁵.

Китайский фактор более всех прочих ломает талассократиям планы контролировать весь Римленд. Поэтому наличие этого фактора исключает сейчас окружение англосаксами России по периметру границ. (Это не значит, конечно, что геополитические интересы КНР и РФ совпадают полностью.) Более того, многие действия в Римленде, которые предпринимают англосаксы, направлены уже не столько против России, сколько против Китая, против его стратегии, которую американцы поэтично в его стиле называли «нитью жемчуга» (создание цепи военных и торговых баз по берегам Южно-Китайского моря и Индийского океана, включая Красное море). Среди этих действий – раздувание сепаратизма белуджей в Пакистане и конфликта вокруг мусульман-рохинджа в Мьянме.

Несмотря на распад СССР, учинить «конец истории» у талассократий не вышло. Х. Маккиндер оказался проницательнее Н. Спикмэна. Американский геополитик считал, что морские державы через контроль над Римлендом могут победить сухопутные на все времена, тогда как его британский коллега был взвешеннее, считал, что дуализм моря и суши как двигатель мировой истории вечен. Если последствиями краха СССР считать не только продолжающиеся центробежные процессы на постсоветском пространстве (такие как армяно-азербайджанская война 2020 г. или программы ассоциации бывших европейских республик СССР с Евросоюзом), но и центростремительные – процессы евразийской интеграции через создание ЕАЭС и ОДКБ, то последнее уместно тракто-

5 Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. P. 202.

вать как попытки построить «большое пространство» в духе теорий К. Шмитта (автора данного термина – *Großraum*) и другого, не менее известного, немецкого геополитика Карла Хаусхофера (1869–1946). Неслучайно происхождение упомянутого термина уходит корнями «не в государственную, а в технико-экономическо-организационную сферу»⁶. Названные авторы настаивали, что для сухопутных держав создание «большого пространства» – единственное средство выстоять перед лицом морских.

На строительство более широкого «большого пространства», в масштабах всего евразийского континента, нацелен транспортно-экономический мегапроект Китая «Один пояс, один путь». Поскольку его сухопутная часть – «Экономический пояс Шёлкового пути» – проходит по Центральной Азии, без распада СССР её осуществление было бы невозможно. Выгодно ли оно России – вопрос неоднозначный (хотя некоторое участие Транссибирской магистрали проект предусматривает). Однако коль скоро проникновение Китая в этот регион уже идёт (хочет Россия того или нет), в данном случае распад СССР объективно может содействовать сближению России и Китая через диалог в Центральной Азии. А сближение двух стран континентальной величины гарантирует сдерживание натиска атлантизма на Евразию. Это сближение позволяет РФ лишить США возможности рассорить две державы, а КНР – положения «третьего радующегося», который в связке трёх сил привык быть пассивной силой при двух активных и извлекать из этого выгоду (как в 1970-е годы).

Если евразийскую интеграцию понимать наиболее широко, то Россия располагает целым набором геополитических инструментов, позволяющих ей внести вклад в этот процесс. Часть из них – это советское наследие, например, Трансб и Северный морской путь. Часть – новые инструменты, такие как трубопроводы «Голубой поток» и «Турецкий поток». Такие проекты могут содействовать подключению к общеевразийскому «большому пространству» самых разных стран. На атлантистском Западе хорошо понимают потенциал трубо-

6 Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht // Schmitt C. Staat, Großraum, Nomos. Arbeiten aus den Jahren 1916–1969. Berlin: Duncker & Humblot, 1995. S. 270.

проводов как средства для России минимизировать последствия распада Союза. Отсюда взрывы на обоих газопроводах «Северный поток» в 2022 г. Достижению той же цели – разрушить экономические связи России со Срединной Европой как залога геополитического сближения – призван выход в том же году «Австрийских железных дорог» из проекта строительства ширококолейной магистрали Кошице – Братислава – Вена, т.е. продвижения в Европу русской железнодорожной колеи 1520 мм. В европейской части дуги, которую российский геополитик Вадим Леонидович Цымбурский (1957–2009) назвал Великим Лимитрофом, полным ходом воздвигается новый «санитарный кордон» между Россией и Европой в интересах англосаксов и связанного с ними сегмента европейской элиты.

Отчасти геополитическим следствием распада СССР уместно считать усиление региональных центров силы в Евразии. Так, Турция усилилась в том числе за счёт влияния в этнически близком Азербайджане, Иран – за счёт влияния в Центральной Азии. Последнему обстоятельству способствовала стыковка в 1996 г. железнодорожных систем Ирана и Центральной Азии в Сарахсе (название двух населённых пунктов по обе стороны иранско-туркменской границы). Проникновение Ирана в этот регион – тоже вопрос для России неоднозначный. С одной стороны, проникновение идёт за счёт её влияния; с другой стороны, объективно, как в случае Китая, оно создаёт предпосылки сотрудничества Ирана с Россией в деле создания «большого пространства» и исключения атлантистского влияния из зоны «Евразийских Балкан», как назвал Зб. Бжезинский бывшие азиатские республики СССР и Афганистан. Пример – строительство железнодорожного полукольца к востоку от Каспия (завершено в 2014 г.) и вообще международного транспортного коридора «Север – Юг» от Хельсинки до Мумбаи. На роль этого коридора как геополитической скрепы Евразии указывает то, что формируется он параллельно и как бы в противовес Западному разлому от Скандинавии до Африканского Рога. Это один из двух геостратегических разломов, которые выделил современный иранский геополитик Мохаммад Реза Хафезния (род. 1955). Для данного разлома характерно противостояние России с

НАТО и водоворот региональных конфликтов на Ближнем Востоке.

Благодаря беспрецедентному развитию транспортных коммуникаций Хартленд и Римленд в XXI в. впервые в истории могут объединиться против Внешнего полумесяца и прорвать «кольцо анаконды», которое направлено против Хартленда и в котором Римленду атлантисты отвели роль пешки в чужой игре. (О последнем свидетельствует натравливание на Россию Европы в экономическом плане и Украины при поддержке Европы – в плане военном.) Однако бурное развитие инфраструктуры в эпоху глобализации даёт возможность теллурукратиям Евразии, по сути, обратить глобализацию против того, кто её в своих интересах запустил, – США. «И вкусили они вред своих дел, и последствия их дел оказались убытком» (Коран, 65:9). Это вполне в духе концепции POSSIBILISME основателя французской школы географии и геополитики Поля Видалья де ла Блаша (1845–1918). Он подчёркивал, что пространственное положение – лишь возможность, а её реализация зависит от человека.

Идею «инфраструктурных коридоров», причём именно для Евразии, выдвинул в конце XX в. американский экономист Линдон Ларуш (1922–2019). Исходил он из того, что экономические интересы США и стран Евразии дополняют друг друга и американцам было бы выгодно участвовать в развитии транспортной инфраструктуры крупнейшего континента. Однако в правящих кругах США преобладает противоположная точка зрения, согласно которой это развитие грозит уменьшить их рычаги влияния в Старом Свете. Вот почему сеть инфраструктурных коридоров может стать антиамериканским орудием и воплотить в жизнь идею общеевразийского союза, о котором мечтали многие геополитики континентальной школы: К. Хаусхофер с его блоком Германия – СССР – Япония, Ж. Тириар с его Евро-советской империей от Дублина до Владивостока, российский философ Александр Гельевич Дугин (род. 1962) с его концепцией неоевразийства и другие. В рамках концепции А.Г. Дугина постепенное укрепление связей России с Ираном и Китаем можно трактовать как шаги в направлении создания дружественных России «вторичных империй» на Среднем Востоке

и в Восточной Азии. Отсюда попытки атлантизма рассорить Россию с Турцией и Египтом в 2015 г. (через падение самолётов – военного и гражданского, причём с интервалом менее месяца), а также с Китаем в 2018 г. – через заявление советника президента США по национальной безопасности (2018–19) Джона Болтона о китайских ракетах, которые якобы смотрят в сердце России.

Вместе с тем активное участие России в международных проектах не должно затмевать задачу поднимать хозяйство внутренних районов страны, о которой писал В.Л. Цымбурский. Крах СССР ставит эту задачу на повестку дня России тем очевиднее. Неслучайны железнодорожные проекты Севсиб и Белкомур, проекты автомобильного моста через Лену и расширения БАМа. Концепция В.Л. Цымбурского «Остров Россия» верна в том, что подчёркивает важность опоры на собственные силы. В частности, освоение Восточной Сибири и Дальнего Востока гарантирует их сохранение в составе России: глаз на эти территории Запад положил по меньшей мере ещё в 1940-е годы, когда Х. Маккиндер выделил особую зону *Lenaland*, «отсоединил» её от Хартленда и «присоединил» к Римленду.

Вместе с тем концепция В.Л. Цымбурского отдаёт изоляционизмом, которого Россия позволить себе не может. Ведь, как подчеркнул известный российский востоковед Владимир Николаевич Колотов (род. 1969), пока единственный работающий проект подлинно евразийского масштаба – это восемь дуг нестабильности Евразии⁷. Причём они не разрозненны, это система. Вспоминаются слова А.Е. Вандама об англосаксах, которые двигают народами «с таким расчётом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?»⁸ Некоторые из евразийских дуг нестабильности начали складываться ещё в период Холодной войны, но появление других и, главное, оформле-

7 Колотов В.Н. Евразийская дуга нестабильности: предварительные итоги 2016 г. // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. / Гл. ред. В.Н. Колотов. Санкт-Петербург: Изд-во «ИПК НП-Принт», 2017. С. 37.

8 Вандам (Едрихин) А.Е. Указ. соч. С. 43–44.

ние их всех в некую систему стали возможными именно благодаря краху СССР.

Распад Советского Союза – безусловно, крупнейшая геополитическая катастрофа XX в. Он резко сместил баланс силы в мире, приведя во многих странах к социальной напряжённости, а кое-где и к войнам, как межгосударственным, так и гражданским. И всё же в целом политически единый Хартленд в лице России сохраняется, и, если грамотно следовать теоретикам континентальной школы геополитики, у него есть шанс взять за своё поражение 1991 г. реванш.

Список литературы

- Вандам (Едрихин) А.Е. Наше положение // Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; заключ. ст. И. Даниленко. Жуковский; Москва: Кучково поле, 2002. С. 27–154.
- Колотов В.Н. Евразийская дуга нестабильности: предварительные итоги 2016 г. // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. / Гл. ред. В.Н. Колотов. Санкт-Петербург: Изд-во «ИПК НП-Принт», 2017. С. 5–50.
- Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с.
- Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. XIV, 215 p.
- Cohen S.B. Geopolitics of the World System. Lanham etc.: Rowman & Littlefield, 2003. XI, 435 p.
- Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht // Schmitt C. Staat, Großraum, Nomos. Arbeiten aus den Jahren 1916–1969. Berlin: Duncker & Humblot, 1995. S. 269–371.